

DOI: 10.18503/1992-0431-2022-4-78-84–95

ФИБУЛЫ С УМБОНОВИДНЫМ ДЕКОРОМ В ДРЕВНОСТЯХ ПРУССОВ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: drkulakov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9702-9306

Аннотация. Статья посвящена исследованию балтских дериватов фибул, обозначенных почти полвека тому назад А.Н. Амброзом как фибулы-броши (группа 8), тип «округлые броши». Ранее считалось, что предшественники круглых фибул – местные фибулы римского времени, обладавшие выступами по своему периметру. Метод нашего исследования – сравнение упомянутых фибул с их пока гипотетическими прототипами – роскошными западноевропейскими фибулами меровингской эпохи, хронологически совпадающими с упомянутыми прусскими артефактами и близкими им конструктивно. Круглые застёжки, встреченные на Самбии и в Мазурском Поозерье в эпоху Меровингов, по своим признакам распадаются на три подтипа. Их объединяют материалы, из которых они изготовлены (бронзовая основа с серебряным покрытием) и умбоновидный орнамент в виде концентрических колец. На современном этапе исследований установлен факт подражания указанных фибул роскошным (золотое покрытие со вставками из камней) застёжкам из ареалов франков и алеманнов. Это стало результатом стремления мазурских, а затем и прусских ювелиров подчеркнуть эвентуальную связь своих заказчиков с их торговыми партнерами (родственниками) из западной части континента. Данная специфическая черта прусской культуры VII н.э. проявилась также как в редких, но представительных роскошных деталях воинского снаряжения, что свидетельствовало о появлении в прусской среде князей из мира Меровингов, так и в копировании пруссами (и заодно жителями Мазур) представительных деталей убора франков и алеманнов VI–VII вв. н.э. После победы пруссов в военном столкновении с жителями Мазурского Поозерья круглые фибулы ближе к концу VII в. оказываются в прусском племенном ареале как военные трофеи. Не исключен, правда, и торговый характер путей распространения круглых застёжек с умбоновидным декором. Круглые фибулы подтипа 3, имитировавшие умбоны круглых щитов, характерных для прусских всадников рубежа VII–VIII вв., стали подражаниями изделиям меровингских мастеров уже в мастерских прусских ювелиров земли Вармия.

Ключевые слова: круглые фибулы, эпоха Меровингов, Мазурское Поозерье, земли Самбия и Вармия, пруссы, франки, алеманны

В юго-восточной Европе фибулы-броши (группа 8), тип «округлые броши»¹ распространяются во II в. до н.э. – I в. н.э. и являются продукцией эллинистических и провинциально-римских мастерских². Ранее я отнес дериваты таких фибул, встреченные в западной части Мазурского Поозерья на могильниках поздней фазы эпохи Великого переселения народов, к типу «круглые», снабженные орнаментом астрального типа, генетически восходившие к западнобалтским застежкам начала нашей эры, обладавшим по своему периметру округлыми выступами³. Как правило, такие фибулы изготавливались из бронзы, и их лицевая сторона покрывалась серебряной фольгой, по которой проступал умбоновидный декор, подготовленный на бронзовой основе застежки. Такие находки известны на территории западной части современной Литвы в комплексах фаз C₂-C₃ и доживают на указанной территории до фазы D, являясь дериватами провинциально-римских фибул⁴.

Характерной особенностью балтских дериватов фибул-брошей из низовий р. Немана является наличие в их центре конического выступа (рис. 1, 3). Он мог возникнуть в результате копирования провинциально-римских фибул типа tutula (группа AVII), распространившихся в римских провинциях на фазе C₂⁵. Такие фибулы в погребальных древностях эстиев Янтарного берега являются редкостью (рис. 1, 2). Одна из круглых фибул (рис. 1, 1), датируемая по комплексу фазой B₂⁶, интерпретировалась как модель святилища со священным деревом в его центре⁷ и заведомо старше фибул типа tutula. В отличие от Литовского Взморья, на самой западной границе балтского мира, в ареале пруссов, крайне редки дериваты провинциально-римских фибул типа AX, 228 (рис. 1, 4, 5).

Исследование предполагает подробный анализ круглых фибул с умбоновидным декором, разделенных на подтипы согласно принципам декора. Метод исследования – сравнение упомянутых фибул с их пока гипотетическими прототипами – роскошными западноевропейскими фибулами меровингской эпохи, хронологически совпадающими с упомянутыми прусскими артефактами и близкими им конструктивно. Данный метод известен в европейской археологии еще с середины XIX в. и неоднократно подтвердил свою актуальность.

На Самбии и в западной части Мазурского Поозерья основной массив фибул с умбоновидным декором составляют круглые фибулы без выступов по своему периметру. Их корпус по набору признаков делится на несколько подтипов:

Подтип 1 – «Фибулы с концентрическими кольцами, составленными из деталей умбоновидного декора» – распадается на варианты: 1) с несколькими концентрическими кольцами (рис. 2, 1–4); 2) с одним кольцом декора (рис. 2, 5–7). Практически все фибулы данного подтипа изготовлены в традиционной для круглых

Данные об авторе: Владимир Иванович Кулаков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН.

¹ Амброз 1966.

² Амброз 1966, 30–31.

³ Кулаков 1989, 160.

⁴ Voß 1994, 430.

⁵ Voß 1994, 502.

⁶ Кулаков 2004, 14.

⁷ Смирнова 1987, 236–237.

Рис. 1. Фибулы типа *tutula* и их дериваты в археологическом материале западных балтов римского времени: 1 – погр. Do-6 могильника Dollkeim/Коврово (по: Кулаков 2016б, рис. 91); 2 – погр. Wo-6 могильника Wogau/Лермонтово (Кулаков 2011, рис. 38); 3 – погр. 24 могильника Schernen/Šernai (по: Bezenberger 1892, fig. 11, 12); 4 – погр. Zo-152 могильника Zohpen/Суворово (по: Кулаков 1990б, табл. XXI, 8); 5 – фибула типа AX, 228 (по: Almgren 1923, Taf. X).

Fig. 1. *Tutula* fibulae and their derivatives in the archaeological material of the Western Balts of Roman times: 1 – grave Do-6, Dollkeim/Kovrovo necropolis; 2 – grave Wo-6, Wogau/Lermon-tovo necropolis; 3 – grave 24, Schernen/Šernai necropolis; 4 – grave Zo-152, Zohpen/Suvorovo necropolis; 5 – fibula type AX, 228.

фибул технике: на декорированную бронзовую основу наложена серебряная фольга, на которой проявлен умбоновидный декор. Исключением является фибула из погр. Ке-64 могильника Kellaren/Kielary (рис. 2, б), серебряное покрытие которой, очевидно, не сохранилось. Судя по сопровождающему в комплексах инвентарю, данные фибулы входили в состав как мужского, так и женского наборов. Если женские (парные) версии данных фибул имели диаметр около 3 см, то мужской вариант – 3,5–4 см. Как параметры данных застежек, так и их декор имитируют франкские фибулы эпохи Меровингов (рис. 2, 8), датируемые первой половиной

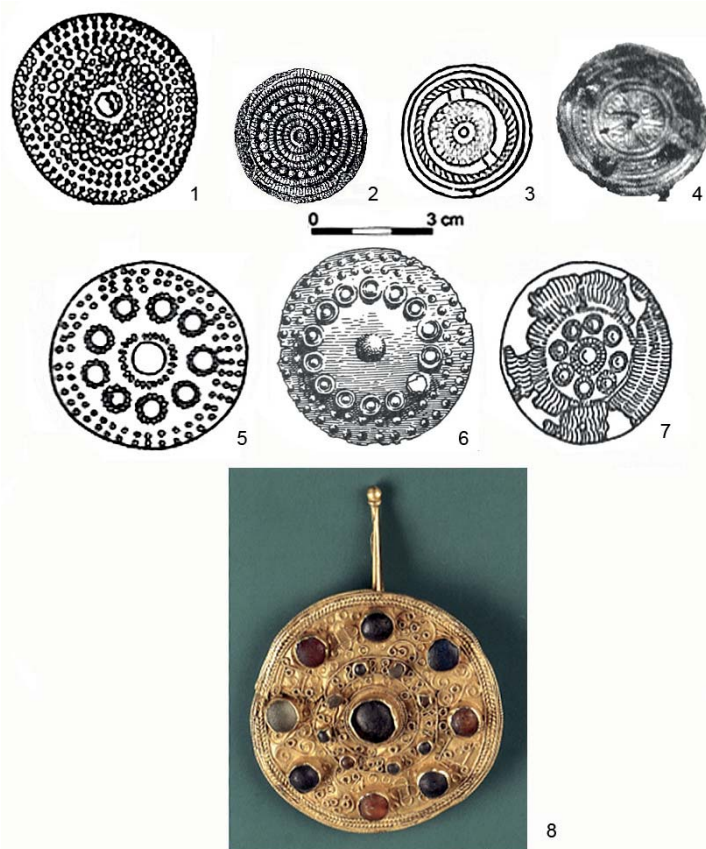

Рис. 2. Круглые фибулы с концентрическими окружностями: 1 – погр. б/№ могильника Kipitten/Холмогорье (по: Кулаков 1990б, табл. VII, 7); 2 – погр. Le-76 могильника Freiwalde bei Lenzenberg/Lęcze (по: Ehrlich 1931, Abb. 3); 3 – погр. Da-104 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 45, 5); 4 – погр. 82 могильника Preussenort/Wólka Prusinowska (по: Engel 1939, Abb. 3); 5 – погр. Zo-50 могильника Zohpen/Суворово (по: Кулаков 1990б, табл. IX, 9); 6 – погр. Ke-64 могильника Kellaren/Kielary (по: Hollack, Bezenberger 1900, Abb. 69); 7 – погр. Da-96 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 44, 4); 8 – Montponf, France (по: Кулаков, Толстиков 2007, 491).

Fig. 2. Round fibulae with concentric circles: 1 – grave without a number, Kipitten/Kholmogorovka necropolis; 2 – grave Le-76, Freiwalde bei Lenzenberg/Lęcze necropolis; 3 – grave Da-104, Daumen/Tumiany necropolis; 4 – grave 82, Preussenort/Wólka Prusinowska necropolis; 5 – grave Zo-50, Zohpen/Suvorovo necropolis; 6 – grave Ke-64, Kellaren/Kielary necropolis; 7 – grave Da-96, Daumen/Tumiany necropolis; 8 – Montponf, France.

VII в.⁸ Соответственно, западнобалтские копии франкских роскошных фибул с золотым покрытием и с полудрагоценными камнями выглядят гораздо скромнее с серебряным покрытием. Вставки с камнями заменены здесь умбоновидным декором. Таким же образом в мастерских видвариев на фибулах типа Sternfußfibeln в

⁸ Кулаков, Толстиков 2007, 491.

начале V в. н.э. имитировались утраченные вставки стекла или полудрагоценных камней на их прототипах – арбалетовидных скандинавских застежках. Правда, на дериватах этих фибул блеск вставок имитировался чеканными оттисками звездчатого штампа⁹. На два века позднее его место в имитационных моделях занял умбоновидный декор. В исключительных случаях умбоны окружались псевдо-жемчужными кольцами (рис. 2, б), имитировавшими гнезда для крепления кабошенов на реальном франкском прототипе.

Подтип 2 – «Фибулы с изображением креста». Указанное изображение имело вид крестообразно расположенных псевдо-заклепок (рис. 3, 1, 3), косоугольного креста с чеканными деталями (рис. 3, 2), лопастного равностороннего креста (по геральдической традиции – «лапчатый» – рис. 3, 4, 5). Диаметр фибул с изображением креста близок к параметрам застежек п/т 1 (см. выше). Парные фибулы из женских комплексов отличаются уменьшенными параметрами (рис. 3, 3–5). Как и фибулы п/т 1, застежки с крестами восходят к меровингским прототипам, на которых при помощи вставок из гранатового стекла и/или полудрагоценных камней представлены равносторонние (в основном – «лапчатые») кресты (рис. 3, б). На их западнобалтских дериватах золотое покрытие уступило место серебряной фольге, а стеклянные и прочие вставки обрели вид тасменных изображений. В культовых традициях и германцев,¹⁰ и балтов¹¹ мотив креста в дохристианских верованиях был связан с почитанием небесных светил (прежде всего, Солнца). Правда, первичным импульсом для появления на фибулах франков и алеманнов знака креста могла быть, тем не менее, их христианизация в VI в., что не устраняет восприятие германскими реципиентами этого знака как символа отеческих культов. Судя по тому, что меровингский прототип балтских фибул с крестами датируется первой половиной VII в.¹², то упомянутые балтские застежки могут быть отнесены к более позднему времени, скорее всего – к середине VII в.

Подтип 3 – «Фибулы в виде умбонов щитов». В нашем массиве представлены тремя экземплярами (рис. 4, 1–3), происходящими исключительно из погребений могильника Neuendorf/Nowinka. Данные захоронения, судя по сопутствующим предметам вооружения и конским скелетам, принадлежали прусским воинам. Еще две фибулы этого подтипа встречены среди случайных находок на указанном могильнике¹³. Предметы женского убора (преимущественно – подвески), представляющие миниатюрные копии круглых щитов с небольшими умбонами в своем центре, были распространены в кельтских и германских племенных ареалах во II в. до н.э. – VIII в. н.э. и служили «для создания хозяйке данной копии мистической охраны, но и для подтверждения ее принадлежности к социальному страту, связанному с воинской деятельностью»¹⁴. Находки на могильнике Neuendorf/Nowinka по своим признакам являются копиями не самих щитов, а их сферических умбонов, в ряде случаев по своему периметру окруженных заклепками (рис. 4, 1–3). Данные артефакты являются дериватизированными копиями умбо

⁹ Кулаков 2011, 25, рис. 1.

¹⁰ Dryakhlov, Kulakov 2018, 215.

¹¹ Kulakov 2016a, 16.

¹² Кулаков, Толстикова 2007, 47.

¹³ Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011, pl. CIV, 4, 5.

¹⁴ Кулаков 2007, 140.

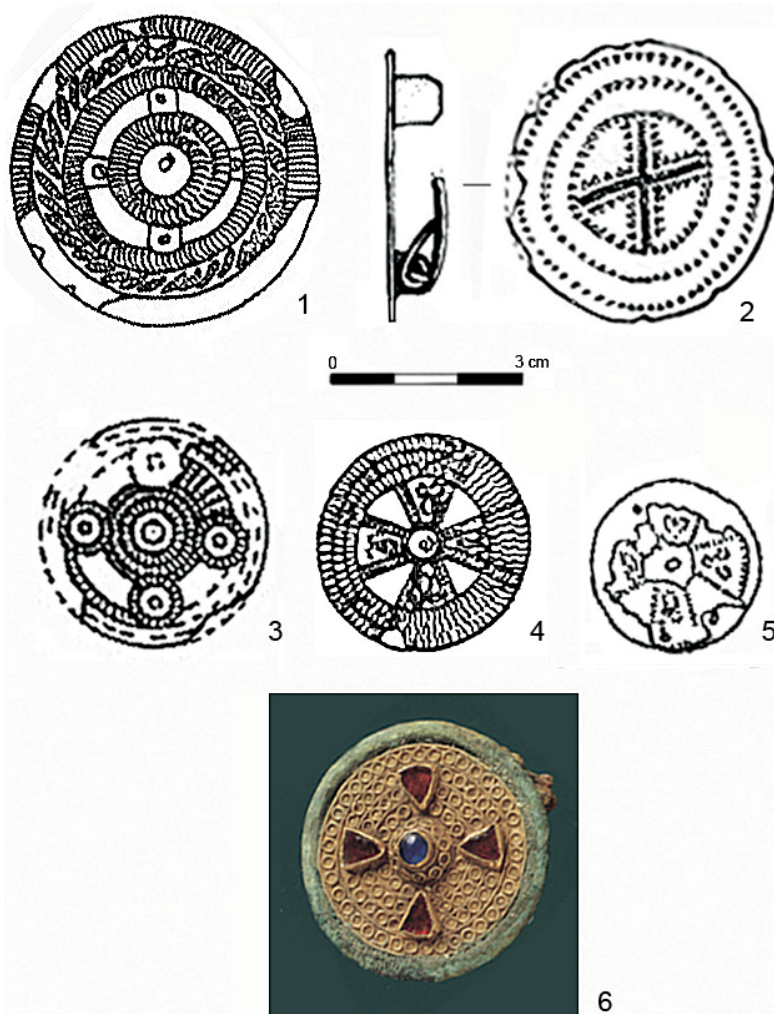

Рис. 3. Фибулы с изображением креста: 1 – погр. Da-86 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 42, 4); 2 – случ. находка на могильнике Neuendorf/Nowinka (по: Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011, pl. CIV, 6); 3 – погр. 3 могильника Ekritten-1/Ветрово-1 (по: Кулаков 1990б, табл. XXV, 8; рис. 4); 4 – погр. Da-90 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 43, 4); 5 – погр. Da-110 могильника Daumen/Tumiany (по: Кулаков 1989, рис. 47, 4); 6 – Marcheopot, France (по: Кулаков, Толстиков 2007, 476).

Fig. 3. Fibulae with cross image: 1 – grave Da-86, Daumen/Tumiany burial ground; 2 – accident find at the burial ground of Neuendorf/Nowinka; 3 – grave 3, Ekritten-1/Vetrovo-1 necropolis; 4 – grave Da-90, Daumen/Tumiany necropolis; 5 – tol. Da-110 burial Daumen/Tumiany; 6 – Marcheopot, France.

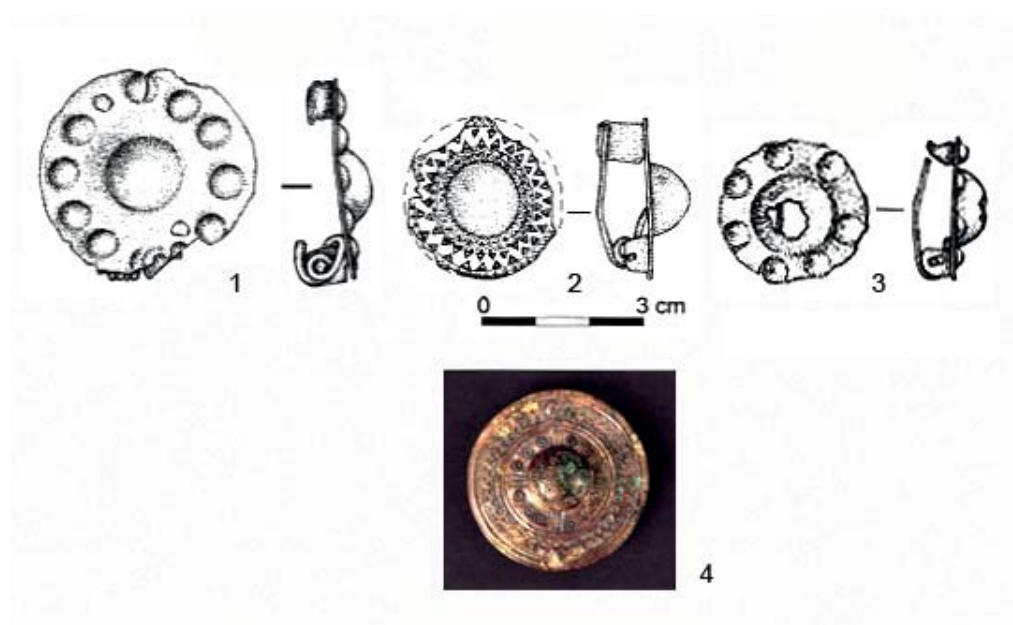

Рис. 4. Фибулы в виде круглого щита из погребений могильника Neuendorf/Nowinka и аналогия из ареала франков: 1 – погр. 106; 2 – погр. 34; 3 – погр. 84 (по: Kontny, Okulicz-Kozaryn, Pietrzak 2011, pl. XXIII, 1; LXXI, 1); 4 – Alsheim, Deutschland (по: Кулаков, Толстиков 2007, 506).

Fig. 4. Fibulae in the form of a round shield of burials burial Neuendorf/Nowinka and analogy from the area of the Franks: 1 – Grave No. 106; 2 - grave No. 34; 3 - grave No. 84; 4 – Alsheim, Deutschland.

новидных фибул меровингской эпохи, являвшихся далеко не многочисленными находками в Западной Европе в первой половине VII в.¹⁵ В отличие от щитовидных подвесок, упомянутых выше, умбоновидные фибулы пруссов являлись деталью мужского убора.

Фибулы подтипов 1 и 2 встречены как на могильниках западной части Мазурского Поозерья, так и в прусских землях Самбия и Вармия. Фибулы подтипа 3 известны лишь на могильнике Neuendorf/Nowinka на побережье Frisches Haff/Вислинского/Калининградского залива (Вармия) (рис. 5).

Три десятилетия тому назад автор этих строк отнес прусские круглые фибулы с умбоновидным декором к хронологическому периоду около 575–600 г. н.э. Членов родового коллектива, которые были захоронены с упомянутыми фибулами, я посчитал главами этих коллективов, а декор фибул – сакральным¹⁶. Приведенный в предлагаемой статье фактический материал делает необходимым изменение датировки круглых фибул в прусских и мазурских древностях с конца VI на середину VII в. н.э. Сакральное значение орнамента на этих застежках не исключается, но может быть в достаточной степени декоративным ввиду откровенной

¹⁵ Кулаков, Толстиков 2007, 506.

¹⁶ Кулаков 1990а, 18, рис. 4, 50.

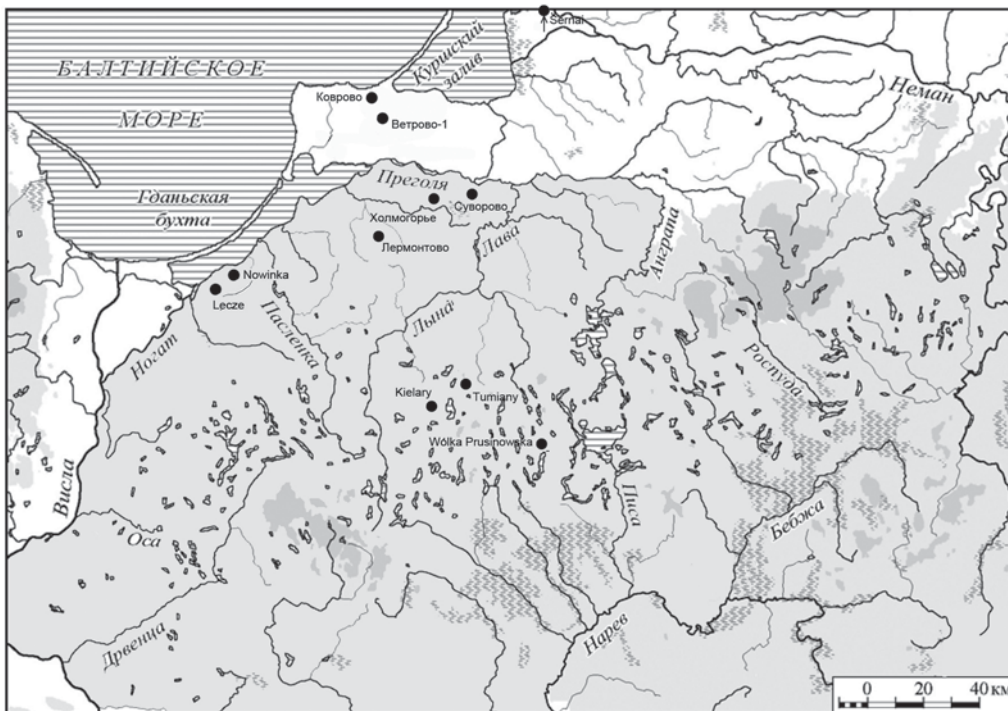

Рис. 5. Карта расположения памятников археологии юго-восточной Балтии.
 Fig. 5. Map of archaeological sites in Southeastern Baltic.

вторичности этих фибул относительно их меровингских прототипов (см. выше). Совпадение одной из круглых фибул п/т 1 с лунницей раннего этапа деградации¹⁷ в погребальном инвентаре погр. Ке-64 могильника Kellaren/Kielary (рис. 6) позволяет отнести датировку данной фибулы ближе к началу VII в. С достаточной долей осторожности следует полагать инициативу подражания меровингским роскошным фибулам именно за мазурскими ювелирами. Эта тенденция отражена и на ряде других элементов материальной культуры полиэтничного населения западной части Мазурского Поозерья на завершающей фазе эпохи Великого переселения народов. Местные ювелиры подражали франкским пластинчатым фибулам, имитировавшим накладку конского снаряжения¹⁸. Возможно, эти фибулы, как и круглые застежки с умбоновидным декором, являлись отличительным признаком членов общества, имеющих отношение к военному делу¹⁹. Не следует забывать и о матримониальных связях, существовавших у населения западной окраины балтского мира, включавшего отдельные группы германцев, с населением запада Европы. Благодаря этому в Балтии могли пользоваться спросом имитации украшений меровингской традиции. Кроме того, указанный феномен мог стать резуль-

¹⁷ Кулаков 2019, 10.

¹⁸ Кулаков 1989, 159–160.

¹⁹ Кулаков 1989, 178.

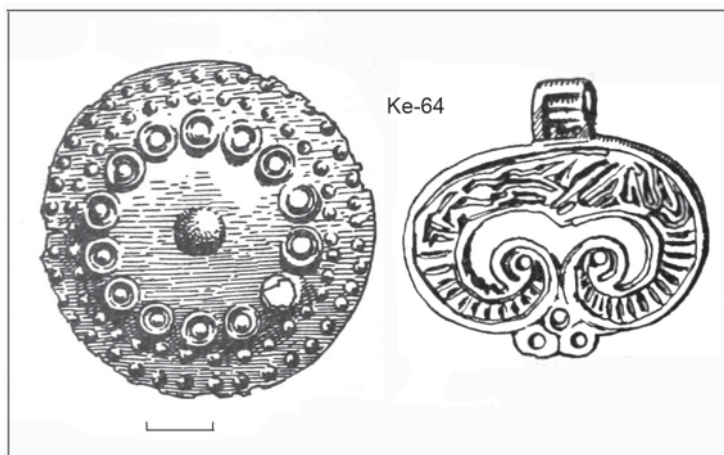

Рис. 6. Инвентарь погр. Ке-64 могильника Kellaren/Kielary (по: Hollack, Bezenberger 1900, Abb. 68–69).

Fig. 6. Grave goods from the burial Ke-64, Kellaren/Kielary necropolis.

татом стремления мазурских, а затем и прусских ювелиров подчеркнуть эвентуальную связь своих заказчиков с их торговыми партнерами (родственниками) из западной части континента.

После победы пруссов в военном столкновении с жителями Мазурского Поозерья²⁰ круглые фибулы ближе к концу VII в. оказываются в прусском племенном ареале как военные трофеи. Не исключен, правда, и торговый характер путей распространения круглых застеежек с умбонovidным декором. Круглые фибулы подтипа 3, имитировавшие умбоны круглых щитов, характерных для прусских всадников рубежа VII–VIII вв.²¹, стали подражаниями изделиям меровингских мастеров уже в мастерских прусских ювелиров земли Вармия.

В результате представленного в данной статье анализа круглых фибул с умбонovidным декором, происходящих из погребальных памятников западной части Мазурского Поозерья и прусских земель, была уточнена и обоснована их окончательная датировка второй половиной VII в. Установлен факт подражания при изготовлении упомянутых фибул роскошным застеежкам франков и алеманнов эпохи Меровингов. Это подражание (точнее – дериватизация) могло стать результатом нескольких факторов – от торговых связей между западом и центром нашего континента до следствия матримониальных связей между западной и восточной частями германского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз, А.Н. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э.* (САИ Д1–30).
- Кулаков, В.И. 1989: Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.). *Barbaricum 1989*. Warszawa, 148–275.

²⁰ Kulakov 1994/1995, 207–210.

²¹ Kulakov 1994/1995, Abb. 2.

- Кулаков, В.И. 1990а: Хронология пруссов VI–XIII вв. (по материалам могильника Суворово). *Istorija*. Vol. 31. Vilnius, 3–19.
- Кулаков, В.И. 1990б: *Древности пруссов VI–XIII вв.* (САИ Г1–9).
- Кулаков, В.И. 2004: *Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г.* Минск.
- Кулаков, В.И. 2007: Генезис трилистных фибул и умбоновидных подвесок. *Lietuvos Archeologija* 32, 133–144.
- Кулаков, В.И. 2011: *Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв.* Saarbrücken (Lambert Academic Publishing).
- Кулаков, В.И. 2016а: Мотив креста в декоративном искусстве балтов в V–XI вв. *Проблемы межрегиональных связей* 11, 15–16.
- Кулаков, В.И. 2016б: *Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э.* Калининград.
- Кулаков, В.И. 2019: Лунницы и подвески особых форм в древностях юго-восточной Балтии. *Проблемы истории, филологии, культуры* 4, 5–17.
- Кулаков, В.И., Толстиков, В.П. 2007: Каталог ГМИИ. В кн.: W. Menghin (ed.), *Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.* München, 276–580.
- Смирнова, М.Е. 1987: Декор круглых фибул западных балтов. В сб.: *Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС*. М. 236–237.
- Algmren, O. 1923: *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrußsischen Formen.* Leipzig.
- Bezenberger, A. 1892: Litauische Gräberfelder. 1. Das Gräberfeld bei Schernen (Kreis Memel). *Prussia* 17, 141–160.
- Dryakhlov, V., Kulakov, V. 2018: The Amulets of German Merovingian Aristocracy. *Archaeologia Lituana* 19, 207–217.
- Ehrlich, B. 1931: Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreußische Vergleichstücke. *Prussia* 29, 16–46.
- Engel, C. 1939: Das jüngste heidnische Zeitalter in Masuren. *Prussia* 33, 41–52.
- Hollack, E., Bezenberger, A. 1900: Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein. *Prussia* 21, 160–196.
- Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak, M. 2011. *Nowinka, site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland.* Gdańsk–Warszawa.
- Kulakov, V.I. 1994/1995: Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 26/27, 204–212.
- Michelbertas, M. 1998: Die römerzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten. In J. Kunof (Hrsg.), *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf, 425–432.
- Voß, H.-U. Römische Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit zwischen Rhein und Elbe. In H. Beck u.a. (Hrsg.) *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 8, 5/6. Berlin–New York, 496–509.

REFERENCES

- Algmren, O. 1923: *Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrußsischen Formen.* Leipzig.
- Ambroz, A.N. 1966: *Fibuly yuga yevropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Fibulas of the South of the European part of the USSR of the 2nd century BC – 4th century AD]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov D1–30 [Corpus of Archaeological Sources D1–30]). Moscow.

- Bezenberger, A. 1892: Litauische Gräberfelder. 1. Das Gräberfeld bei Schernen (Kreis Memel). *Prussia* 17, 141–160.
- Dryakhlov, V., Kulakov, V. 2018: The Amulets of German Merovingian Aristocracy. *Archaeologia Lituana* 19, 207–217.
- Ehrlich, B. 1931: Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreußische Vergleichstücke. *Prussia* 29, 16–46.
- Engel, C. 1939: Das Jüngste heidnische Zeitalter in Masuren. *Prussia* 33, 41–52.
- Hollack, E., Bezenberger, A. 1900: Das Gräberfeld bei Kellaren im Kreise Allenstein. *Prussia* 21, 160–196.
- Kontny, B., Okulicz-Kozaryn, J., Pietrzak, M. 2011. *Nowinka, site 1. The cemetery from the Late Migration Period in the northern Poland*. Gdańsk–Warszawa.
- Kulakov, V.I. 1989: Mogil'niki zapadnoy chasti Mazurskogo Poozer'ya kontsa V – nachala VIII vv. (po materialam raskopok 1878–1938 gg.) [Burial grounds of the western part of the Masurian Lake district of the late 5th – early 8th century (based on the materials of excavations in 1878–1938)] *Barbaricum* 1989. Warszawa, 148–275.
- Kulakov, V.I. 1990a: Khronologiya prussov VI–XIII vv. (po materialam mogil'nika Suvorovo [Chronology of the Prussians of the VI–XIII centuries (Based on the materials of the Suvorovo burial ground)]. *Istorija* 31, 3–19.
- Kulakov, V.I. 1990b: *Drevnosti prussov VI–XIII vv. [Antiquities of the Prussians of the 6th – 13th centuries]*. (Svod arkheologicheskikh istochnikov G1–9 [Corpus of Archaeological Sources G1–9]). Moscow.
- Kulakov, V.I. 2004: *Doll'kaym-Kovrovo. Issledovaniya 1879 g. [Dollkaim-Kovrovo. Research in 1879]*. Minsk.
- Kulakov, V.I. 2007: Genesis trilistnykh fibul i umbonovidnykh podvesok [Genesis of trefoil fibulae and umbonoid suspensions]. *Lietuvos Archeologija* 32, 133–144.
- Kulakov, V.I. 2011: *Dekorativnoye iskusstvo Yantarnogo kraya. Ornament fibul V–VII vv. [Decorative art of the Amber region. Ornament of fibulae of the 5th – 7th centuries]*. Saarbrücken (Lambert Academic Publishing).
- Kulakov, V.I. 2016a: Motiv kresta v dekorativnom iskusstve baltov v V–XI vv. [Motif of the cross in the decorative art of the Balts in the 5th – 11th centuries]. *Problemy mezhregional'nykh svyazey [Problems of interregional relations]* 11, 15–16.
- Kulakov, V.I. 2016b: *Sokrovishcha Yantarnogo kraya. Pokazateli inokul'turnykh vliyaniy na drevnosti Sambii i Natangii v I–IV vv. n.e. [Treasures of the Amber region. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia in the 1st – 4th centuries AD]*. Kaliningrad.
- Kulakov, V.I. 2019: Lunnitsy i podveski osobykh form v drevnostyakh yugo–vostochnoy Baltii [Lunulae and suspensions of special forms in the antiquities of the Southeastern Baltic region]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 5–17.
- Kulakov, V.I., Tolstikov, V.P. 2007: Katalog GMII [Catalogue of the Pushkin State Museum of Fine Arts]. In: W. Menghin (ed.), *Epokha Merovingov. Yevropa bez granits – Arkheologiya i istoriya V–VIII vv. [Europe without borders – archaeology and history of the 5th – 8th centuries]*. München, 276–580.
- Kulakov, V.I. 1994/1995: Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeutung im Beziehungsgeflecht von Prussen und Steppenvölkern. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 26/27, 204–212.
- Michelbertas, M. 1998: Die römischezeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten. In: J. Kunof (Hrsg.), *100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren*. Wünsdorf, 425–432.
- Smirnova, M.Ye. 1987: Dekor kruglykh fibul zapadnykh baltov [Decor of round fibulas of the Western Balts]. In: *Zadachi sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s'yezda KPSS*

[*Problems of Soviet archaeology in the light of decisions of the XXVII Congress of the CPSU*], 236–237.

Voß, H.-U. Römische Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit zwischen Rhein und Elbe. In: H. Beck u.a. (Hrsg.) *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 8, 5/6. Berlin–New York, 496–509.

BROOCHES WITH UMBON-SHAPED DECOR IN PRUSIAN ANTIQUITIES OF THE GREAT MIGRATION OF PEOPLES

Vladimir I. Kulakov

Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: drkulakov@mail.ru

Abstract. This is a study of the Baltic brooches' derivatives attributed by A.N. Ambroz almost half a century ago to brooches (group 8) of "round brooches" type. Previously, it was believed that round brooches were preceded by local brooches of the Roman period, which had protrusions along their perimeter. Round clasps of the Merovingian era, found in Sambia and the Masurian Lake District, fall into three subtypes according to their characteristics. They are united by the materials from which they are made (a bronze base with a silver coating) and an umbilical ornament in the form of concentric rings. At the present stage of research, it has been established that these brooches imitate luxurious (gold plating with inserts of stones) clasps from the areas of the Franks and Alemanni. This was the result of the desire of Masurian and then Prussian jewelers to emphasize the eventual connection of their customers with their trading partners (relatives) from the western part of the continent. This specific feature of the Prussian culture of the 7th century manifested itself both in rare but representative luxurious details of military equipment, which testified to the appearance of princes from the Merovingian world in the Prussian environment, and copying by the Prussians (and, at the same time, the inhabitants of Mazury) representative details of the dress of the Franks and Alemanni of the 6th–7th centuries after the victory of the Prussians in a military clash with the inhabitants of the Masurian Lake District, round brooches are closer to the end of 7th century up in the Prussian tribal area as trophies of war. It is not excluded, however, and the commercial nature of the ways of distribution of round fasteners with umbilical decor. Round brooches of subtype 3, imitating the umbones of round shields characteristic of Prussian horsemen at the turn of the 7th–8th centuries, became imitations of the products of Merovingian craftsmen already in the workshops of Prussian jewelers in the land of Warmia.

Keywords: round brooches, Merovingian era, Masurian Lake District, Sambia and Warmia lands, Prussians, Franks, Alemanni

---
